

Рожнова Полина Константиновна. Детство и юность прошли в Вологодской области. Первые стихи были напечатаны в газетах «Сокольская правда», «Вологодский комсомолец» в 1965 году. В 1972 году закончила Литературный институт им. Горького. Автор более 20 поэтических сборников и книг, посвященных культуре и быту русского народа, истории и жизни русской деревни, среди которых: «Глушица», «Разрыв-трава», «Красная горка», «Дорога в родные края», «Моя Вологодчина», «Просинец», «Русский короб», «Радоница», «Русский народный календарь», «Бохтюжские напевы», «Льяные нити», «Радуга моя... Радунница...» Полина Рожнова – член Правления РОО «Вологодское землячество» в Москве, президент литературного Клуба писателей при ЦДЛ «Московитянка», член Высшего Творческого Совета МГО СП России.

и несёт с Онеги Птицу Сирина
Клюев вещей песней на плечах.

Вот они идут... в сегодня, к нам,
к запустелым землям, деревьям!
И навстречу от родных краёв
серым шарфом машет им Рубцов!..

ВОРОБЬЁВО. ПЕТРЯЕВО

Анне Валентиновне Налимовой

О деревне надо сказать,
когда снег укрывает землю,
и такая царит благодать
и покой под небесною сенью,
что душе не досуг пенять
на какие-то в жизни досады...
Дуб на ветке, как на плече,
до деревни несёт снегопады.
И раздолье открыто в полях
человеку, зверю и птице...
Ты накинь белый плат в кружевах,
ты постой на Покров у божницы.
Ты царственно выйди с крыльца.
Снегом выслан в две стороны путь.
Ты поверь, что, как в старь, с утраца
мы решим к тебе завернуть!
Ну, а после – в деревню, где дом
Александра Романова, в память
о поэте, стихи прочтём
и стихами его будем плакать.
Пирогов-то каких напекла! –
он любил и с морозкой, и с клюквой!..
Анна, Анна! Деревня была!..
Жизнь-то, жизнь-то – какою чудной!..

ГОНИМЫЙ СОВЕСТЬЮ НЕЗРИМОЙ...

*Гонимый совестью незримой.
За чью-то скорбь, за чей-то грех,
К тебе пришёл я, край родимый,
Чтоб полюбить, прощая всех.*

Алексей Ганин

Есть ли совесть незримая в мире?
Что ты славить сегодня, поэт?
Перестройки и гульбы, и вихри
затянули тебя в безответ.

А в далёкие годы расстрелов
за прозренье – в былинных полях
погибали поэты, смело
оставляя себя в стихах.

Словно Сирины-птицы о воле
возмечтавшие, о живом
русском хлебе... Вот их-то застолье –
с чьей-то скорбью и страшным грехом!

Их-то совесть – в глаголах русских,
их-то судьбы – с историей – в хлест!
Среди трав золотисто-русых
в красный час – их последний покос.

Мы немало видали печали...
Только их-то прозрение – вслух!
И опять мы молчим, как молчали,
но не в нас ли – былинный дух?

Но не в нас ли – их Плач Обидин,
Жля и Зга их прозревших вежд,
и не нам ли с Ключами Марии
запоручен русский рубеж?

Мы немало видали печали...
Но на русские рубежи
не звезда прилетает ночами
к нам, а грач от былинной межи.

И стучится в сердца, и голос
древней Судной Трубы – его глас!..
Но взметнётся ли хлебный колос
и насущный, и вечный – от нас?

* * *

Ядрёно, колосисто время то.
Дождочки похлестали – и отстали.
Дождь косохлеть –
он бил по мне потом...
когда в овинах бабы лён трепали...

Когда ты мне
ни слова не сказал,
но зиму замыкая, обвязала
тебя другая золотым холстом...
Я – узелок на память завязала...

Вот так и было.
Было и прошло.
Под матицей в работе снова кросна.
И вспоминать – не больно, не грешно,
и внешний мир с обыденным сошёлся.

Стрекозами, туманами легко
и солнцем в каждом на земле уступе...
Ты погляди, записано в убрусе,
как мир устроен,
как душе светло.

Не торопись!
Сосредоточен мир
не на твоих печалях и мечтах...
Убрус, что вышивала я,
прими,
там Матерь Божья с Сыном на руках.

* * *

Утро настанет – настанут стихи.
Нитью строка поспешит от руки.
Лист – это кросна... Что выткется днём,
к вечеру ляжет льняным полотном.

Ко дню – неделя, к неделе – годок.
Рукопись кроется не на глазок.
В книгу душе надо кровное шить
так, чтоб у сердца народ стал носить.

* * *

Поставлю самовар
и Клюева дождусь.
И пусть он будет стар,
как я сама, как Русь.

Но в блюде уголёк
так вспыхнет, что к тому,
кто был от нас далёк,
свет долетит сквозь тьму.

И Сирина-самовар
сиреневым пером
начертит тропки ярь
к коньку, к крыльцу, в наш дом!

ВОТ ИДУТ...

Вот идут, покинув Божий кров,
Ганин и Есенин... Клюев... Далё,
по меже – Васильев и Клычков...
в лицах их ни страха, ни печали...

Ничего кровавого, что скорбно...
Смертного, голодного... былого...

Ничего от «волчьих зим» Нарыма,
от разбитых пулями сердец,
ни от англитерского, что зримо:
шрам багровый от петли на шее...
от Бутырки, где была дешевле
жизнь их, чем забитый в ствол свинец...

Ни о тех доносах и опалах,
что толкали их в разрыв времён.
Ничего от строк, зарытых в ямах,
при Донском, намоленном, святом...

Но о них в рассветах и закатах
в Китеж-граде сосен перезвон.

Опирается на певчий посох Ганин,
за Клычковым – дали в журавлях,
у Есенина – Ключи Марии,
у Васильева – казачья вольница в глазах,